

В. Д. Титов,
профессор кафедры логики НЮУ имени Ярослава Мудрого,
г. Харьков

Логические взгляды Джереми Бентама

Джереми Бентам (Jeremy Bentham, 1748-1832) известен современным юристам в основном как идеолог кодификации и как основоположник правового позитивизма в философии права [4]. Между тем, ему принадлежат оригинальные идеи по применению логики в юриспруденции. О логических взглядах Бентама обычно говорят в связи с ранними проектами деонтической логики ([5],[6]), но более полное исследование этих взглядов еще не осуществлялось. В данной статье я предлагаю общий обзор направлений, в которых возможно анализировать подход Бентама к логике.

Этот подход намечен как в его опубликованных произведениях («Введение в основания нравственности и законодательства» [2], «О судебных доказательствах» [3]), так и в нескольких незаконченных рукописных набросках, которые были изданы после смерти Бентама его секретарем и душеприказчиком Дж. Боурингом (John Bowring).

Уже в своих опубликованных работах Бентам заявил о стремлении сделать мораль и право столь же строгими и точными, как и физические науки. Он писал: «Существует, или вернее, должна быть логика воли, а также логика понимания: операции первой не менее, чем последней, достойны быть выполнены по правилам. Из двух частей этого малодоступного искусства Аристотель видел только последнюю: последующие же логики, ступая по следам своего великого предшественника, спорили о них, хотя и не имели другого подхода. Тем не менее, поскольку может быть установлено различие между этими ветвями, выбор должен быть сделан в пользу логики воли. Наиболее важное применение эта логика воли находит в науке *права*, рассматриваемого в связи с его формой. Для искусства законодательства она есть тем, чем является наука анатомии для искусства медицины: с той лишь разницей, что ее предмет еще только предстоит создать» [9, p.12] (В русском переводе этот пассаж отсутствует).

Бентам считал, что намеченная им «логика воли» важнее «логики разумения» Аристотеля. Эта логика должна была включать «гедонистическое исчисление», которое позволяло математически точно определять соотношение удовольствий и страданий, полученных в результате действий. Такое исчисление Бентам придал, по его мнению, исчерпывающую классификацию удовольствий (14 видов) и страданий (12 видов). Образцом для подражания Бентаму послужили классификации болезней и лекарств в медицине, а также классификация биологических видов.

Среди посмертных публикаций особое место занимает «Эссе о логике» [10]. Некоторое представление о широте предмета, который Бентам хотел исследовать в данном трактате, может быть составлено после прочтения его первой главы. По мнению Бентама, логика должна охватывать гораздо более широкий круг вопросов, чем тот, который обычно подпадал под ее

общепринятое понимание как формальной науки, занимающейся исследованием принципов правильной мысли и исключающей из рассмотрения содержание этой мысли.

Следы намерения выполнить этот большой проект во всех его деталях можно найти в нескольких других рукописях, посвященных языку и грамматике ([12],[13]). В них пометки на полях указывают на связь непосредственного предмета обсуждения с логикой. Как можно понять автора, после завершения этих разделов он намеревался объединить все свои исследования по логике и языкознанию в полную систему универсальной науки о мышлении, которую он называл *психологией*. Судя по датам, указанным в рукописях, Бентам обращался к этим широко понятым психологическим исследованиям в четыре различных периода: в 1811, в 1814-1816, в 1826 и в последний раз в 1831 году. В своем завещании Бентам пожелал, чтобы незаконченные «психологические» работы были отредактированы его племянником Джорджем Бентамом. Содержание некоторых рукописей философа было представлено миру в «Очерке новой системы логики, с критическим анализом *Элементов логики* д-ра Вотли» [7]. Однако в полном объеме Джордж Бентам не смог выполнить распоряжение своего знаменитого дяди.

Таким образом, бентамовский проект обновленной логики остался далеким от завершения. О нем можно судить только на основании тех частей очень разрозненного материала, который имел прямое отношение к логике. Бентам определил ее как «искусство, предметом которого является задать направление уму в преследовании его целей» (the art which has for its object the giving direction to the mind in pursuit of its purposes) [10, p. 342].

В некоторых местах принятые автором упорядочения (arrangement) свидетельствуют о последовательности изложения, к которой он стремился. В других же случаях, однако, нет возможности обнаружить такой порядок, и расположение материала осталось чисто эмпирическим. К тому же содержание разрозненных фрагментов говорит о том, что не в обычае Бентама было восстанавливать последовательность изложения той или иной темы, хотя бы просматривая то, что он уже написал ранее, с целью соединения с теми дополнениями, которые он собирался сделать. Этим обстоятельством следует объяснить многие резкие переходы, а иногда и повторы, с которыми сталкивается читатель.

Что касается авторов, чьи логические произведения пользовались авторитетом в конце XVIII – начале XIX века, Бентам был явно далек не только от того, чтобы дать экспозицию или хотя бы критику их трактовки, но даже от желания показать общее знакомство с логической литературой. Те несколько критических замечаний об аристотелевской системе логики, которые можно встретить у Бентама, основаны на ее изложении в учебнике для юристов Роберта Сэндерсона [17], написанном еще в начале XVII века, а не на сочинениях самого Аристотеля.

Как уже было сказано, Бентам еще не проводил четкого различия между логикой и психологией (как, впрочем, его не проводили и многие другие его

современники и последователи, в частности, А. Гамильтон, Дж. Ст. Милль и А. Бэн). Как показал Дж. Х. Бартон (John Hill Burton), Бентам не проводил и другого важного различия – между логикой и метафизикой, – считая их чуть ли не тождественными [15]. Континентальной параллелью такому отождествлению является онтологизация логики у Гегеля.

Отсюда следует, что Бентам не рассматривал предмет логики как формальной науки о принципах мышления, сознательно абстрагирующейся от содержания мысли. Трудно сказать, как далеко он был готов пойти в смешении логики и метафизики в своей философии мышления. Вероятно, он проектировал полное исследование всех качеств и операций человеческого разума, причем, исследование не только формальных законов мысли, но и содержания, к которому они прилагаются (или в котором они проявляются). С этой целью Бентам неоднократно ставил задачу изучить и классифицировать «силы разума», намереваясь осуществить исчерпывающее и детальное исследование *ментальной анатомии*. С этой целью он разделял и подразделял материалы мысли, привнося эти скрупулезные дистинкции в анализ языка и грамматики.

Бентам понимал логику и как инструмент выявления истины во всех разделах человеческого знания, и как учительницу всех других искусств и наук [11]. Вопреки господствующему в начале XIX века взгляду, что логика подразделяется на аналитику и диалектику, второе из этих подразделений было им полностью отвергнуто. Рассматривая диалектику в ее первоначальном значении искусства спора, он считал ее инструментом обмана, а не истины – системой приемов, которая позволяет ловкому спорщику побеждать менее способных. Однако он не возражал против деления логики на аналитическую и синтетическую ветви, и пытался исследовать обе.

Пожалуй, наиболее важным достижением аналитической части фрагментов, является деление всех существительных на имена реальных и фиктивных лиц и сущностей. Этого различия он придерживается во всех своих работах, никогда не упуская из виду. Оно в какой-то мере напоминает разделение на первичные и вторичные сущности у Аристотеля, но имеет гораздо большее значение и применение к анализу элементов мысли.

Существительные, относящиеся к реальным сущностям, обозначают имена действительно существующих вещей – например, *мяч, колесо, дерево*. Существительные, относящиеся к фиктивным сущностям, не относятся к фактическому существованию предметов мысли (*справедливость, право*). Разница достаточно очевидна, но ее учет Бентамом явился новым и важным для теории юриспруденции. Он первым обратил внимание на то, что при использовании в языке права имен фиктивных лиц и сущностей мы заимствуем словесные формы, которые были изобретены для обозначения реальных объектов, и мы не можем говорить или думать о них иначе, без использования этих словесных форм.

Так, *движение (motion)* является фиктивной сущностью. Мы говорим о движении, которое присутствует **в** (in) самих вещах, или о вещах, которые находятся **в** (in) движении. Используя предлог **в**, мы заимствуем слово, которое

было изобретено для использования при описании физической материи. *Отношение (Relation)* является фиктивной сущностью – о вещи говорят, что она имеет (have) отношение к другой, и в этом глаголе мы заимствовали слово, относящееся к телесному владению. Идея того, что *у меня есть (я имею, I have) перо*, и идея того, что логика может *иметь (have)* отношение к метафизике – это две совершенно различные идеи, но мы не можем выразить последнюю без заимствования слов, которые были изобретены для представления первой.

Итак, фиктивные сущности не могут появляться в языке, как нашем инструменте мысли, иным способом, кроме как путем использования заимствованных слов. У них нет собственной терминологии и фразеологии, отличной от тезауруса реально существующих вещей, и они не могут ее иметь. Есть ли у этих фиктивных сущностей особое существование или нет – это старый вопрос о существовании платоновских идей и средневековый вопрос об универсалиях. С точки зрения Бентама, для нашего сознания они настолько нереальны, что мы не можем думать о них, не «одевая» их для временного бытия в слова, которые ранее придумали для размышлений о сущностях реальных предметов.

Для методологии Бентама характерны ориентация на факты и борьба с терминологическими фикциями. Имена фиктивных сущностей и по сути риторических метафор вроде «общий интерес», «общественный договор», «естественное право», «естественный закон», «человеческая природа» вместе с другими абстрактными понятиями («отношение», «власть», «собственность», «естественная справедливость», «нравственное чувство», «истинный разум» и др.) означают скрытый догматизм, поскольку эти фиктивные понятия не придают нравственным и правовым проблемам разумного смысла, а просто заменяют ими необходимое рассуждение и аргументацию.

Наиболее детально понятие «естественных прав» как якобы присущих людям еще до их общественного состояния критикуется в работе «Анархические заблуждения» (*Anarchical Fallacies*, 1791 — 1795 [8], впервые опубликована в 1816 на французском языке). Не упоминая средневекового спора между реалистами и номиналистами, Бентам по сути принял позицию номиналистов в своей критике фиктивных сущностей вроде «неотчуждаемых прав человека», которые он назвал «анархическими заблуждениями» и «нонсенсом на ходулях» (*nonsense upon stilts*).

Согласно Бентаму, право создается законом, а закон, поскольку Бентам понимает его как выражение воли правителя, уже предполагает правление и общежитие. Бентам считает, что понятие «естественное право» двусмысленно (ибо означает, что право может существовать *до, вне и независимо от* человека и общества) и фигуративно (поскольку никакие права не предшествуют правлению). С этой точки зрения теория общественного договора, предполагающая наличие у индивидов прав, которые отчуждаются при его заключении, лишена исторических оснований — правление является результатом либо исторически сложившихся обстоятельств, либо применения силы. Фикция общественного договора влечет анархические следствия, т. к. предполагает свободу от принуждения, в частности от правового: ведь

естественное право предшествовало бы установлению закона. По мнению Бентама, права могут быть только конкретными, они должны существовать, если они полезны для общества, и упраздняться в случае их бесполезности.

Критикуя терминологические фикции, Бентам в то же время ввел в научный оборот ряд новых терминов, которые закрепились в языке теории права («интернациональный», «кодификация», «максимализация», «минимизация» и некоторые др.). В «Эссе о языке» осуществляется тонкий концептуальный анализ понятий «удовольствие», «страдание», «мотив», «предрасположенность», «эмоция», «страсть», «стремление», «добродетель», «зло», «чувствительность», «намерения», «сознательность» [12]. Как отмечают А. А. Баканов и А. Ф. Грязнов [1], в этом отношении Бентам предвосхитил подход лингвистической философии XX века. Более того, признанный лидер современной аналитической философии права Х. Л. А. Харт [16] считал, что она возникла именно благодаря Бентаму.

Излюбленным инструментом логического анализа у Бентама был его метод исчерпывающего дихотомического деления, который он пышно называл «Бифуркативным планом». Его принцип он позаимствовал из старых изданий *Isagoge* Порфирия. Дихотомический способ деления часто упоминается в трудах схоластических логиков. Он был признан даже таким критиком Аристотеля, как Пьер де ля Раме. Но, как и многие другие инструменты открытия, он долгие века оставался всего лишь игрушкой для интеллекта, пока не попал в поле зрения руки Бентама, который попытался его приспособить для практического использования. «Дерево Порфирия» состоит из ствола – самого общего рода (*genus generalissimum*), – из которого последовательно вырастают ветви, обозначающие отдельные качества. Это «дерево» будет ветвиться до тех пор, пока не пройдет через все возможные процессы деления, которые могут быть применены к нему, и не оставит в двух последних членах деления две наиболее конкретные сущности, которые могут быть поняты в содержании и объеме общего термина.

Полезьа, которую Бентам извлек из изучения этой диаграммы, состояла в том, что она привела его к выводу, что единственный вид деления, которое по самому своему определению должно быть исчерпывающим, – это последовательное деление на два взаимоисключающих класса. Поскольку при построении классификации мы стремимся к ее исчерпывающей полноте, целью становится найти формулу, использование которой само по себе обеспечивает эту полноту.

Способ деления на две части вытекает из принципа логического определения *per genus et differentiam*. Каждый вид обладает качеством рода и некоторыми дифференциальными свойствами (признаками), которые отделяют его от других видов этого рода. Наличие и отсутствие таких признаков позволяет нам осуществлять дихотомическое (бифуркативное) деление, причем на каждом шаге классификации (очередном ветвлении «дерева») это деление будет исчерпывающим. (Об анализе дихотомических (бифуркативных) систем см. [14, pp. 95, 103, 107, 110, 114, 253]).

В этой связи Бентам обращает внимание на фундаментальную особенность операции сравнения – мы можем сравнивать одновременно только две вещи, – и не можем сравнивать три или больше вещей в одно и то же время. В обычной речи мы можем говорить об одновременном сравнении большего количества вещей, чем две, но операцией, с помощью которой мы достигаем этой цели, является серия сравнений, каждое из которых относится только к одной паре вещей, поскольку мы можем оперировать только с двумя вещами одновременно. Так, если у нас есть разделение совокупности на три элемента a , b , c , мы должны сначала организовать из них одну пару ab и осуществить в ней сравнение, а затем составить другую bc и затем третью пару ac , чтобы она исчерпывала совокупность.

Если мы говорим, что *право* делится на *уголовное* и *не-уголовное*, мы уверены, что учли каждый тип права, хотя и не конкретизировали тип «*не-уголовного*» права. Но если мы говорим, что право может быть конституционным, административным и уголовным, мы не можем таким же образом быть уверены в том, что наше деление включает каждый вид (отрасль) права. Если мы захотим продолжить дальше дихотомическое деление после разделения права на *уголовное* и *не-уголовное*, скажем, *не-уголовное* делится на то, что *затрагивает интересы частных лиц*, и то, что *не затрагивает их*, мы по-прежнему уверены, что деление является исчерпывающим. Такой способ деления мы можем продолжать с той же уверенностью до нижней границы нашей дихотомии – до появления в ней таксономических единиц *индивидов* (*individuum* - неделимый).

Дихотомическое деление, несомненно, является трудоемкой и утомительной процедурой, когда объект обширный и сложный, а исследование осуществляется весьма детально. Примеры, которые Бентам дал в своих таблицах, свидетельствуют о большом труде, хотя покрывают объект только в ограниченном объеме. Многочисленность этих примеров говорит о том, что для Бентама они были чем-то большим, чем испытаниями на точность анализа. Бифуркативную методологию Бентам считал инструментом, пригодным для использования во всех случаях жизни. Интересно, что как и его современник Гегель, философия которого в корне отличалась от философии Бентама, последний рекомендовал систематически использовать в исследованиях Формулу Противоречия (Contradictory formula) – а именно, находить положительное утверждение качества в одном из членов деления и корреспондирующее ему отрицание в другом члене этого деления.

Ценность этого метода для любого аргументативного дискурса состоит в выявлении с ясностью и определенностью предполагаемого содержательного контраста. Тем не менее, вовсе не обязательно, чтобы подобный дифференциальный метод применялся всегда и везде. Его постоянное использование будет означать конец всей свободе и разнообразию в стиле философствования. Но он весьма полезен для анализа и принятия аргумента по частям, испытывая его различные формулировки. Бифуркативная система деления позволяет более рельефно выявить различия между вещами: вместо

расплывчатых указаний на элементы содержания, она четко объясняет, какой признак исследуемая вещь имеет, а какого у нее нет.

Список литературы:

1. Баканов А. А., Грязнов А. Ф. Иеремия Бентам. <http://bibliofond.ru/view.aspx?id=53938>
2. Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства = An introduction to the principles of morals and legislation / И. Бентам. — М.: РОССПЭН, 1998. — 415 с.
3. Бентам И. О судебных доказательствах. По изданию Дюмона перевод с франц. И. Гороневича. — Киев: Тип. М. П. Фрица, 1876. — VI, 421 с.
4. История политических и правовых учений / Под ред. Лейста О. Э. - М.: Зерцало, 2006. — 568 с.
5. Кислов А. Г. Традиция Бентама и логика действий // Философский век. Альманах. Вып. 9 / (Ред.) Артемьева Т. В., Микешин М. И. — СПб, 1999. — С. 288-293.
6. Лисанюк Е. Н. Развитие представлений о нормах в деонтической логике // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия Философия. — 2010. — Том 8. — Выпуск 1. — С. 147-152.
7. Bentham G. Outline of a New System of Logic, with a Critical Examination of Dr Whateley's Elements of Logic by George Bentham, Esq. — London: Hunt and Clarke, 1827. — xii, 287 pp.
8. Bentham J. Anarchical fallacies; being an examination of the declarations of rights issued during the french revolution // The Works of Jeremy Bentham, published under the Superintendence of his Executor, John Bowring (Edinburgh: William Tait, 1838-1843). 11 vols. Vol. 2. // — Accessed from http://oll.libertyfund.org/?option=com_staticxt&staticfile=show.php%3Ftitle=1921&chapter=114226&layout=html&Itemid=27
9. Bentham J. An Introduction to the Principles of Morals and Legislation / Jeremy Bentham. - Kitchener (Ontario): Batoche Books, 2000 — 247 p.
10. Bentham J. Essay on logic: now first published, from the manuscripts of jeremy bentham //The Works of Jeremy Bentham, published under the Superintendence of his Executor, John Bowring. — Edinburgh: William Tait, 1838-1843. — In 11 vols. — Volume 8. — Accessed from <http://oll.libertyfund.org/title/2208/207094> on 2009-11-11
11. Bentham, Jeremy. Chrestomathia: being a collection of papers, explanatory of the design of an institution, proposed to be set on foot under the name of the chrestomathic day school, or chrestomathic school, for the extension of the new system of instruction to the high // The Works of Jeremy Bentham, vol. 8 [1843] Accessed from http://oll.libertyfund.org/?option=com_staticxt&staticfile=show.php%3Ftitle=2208&chapter=206878&layout=html&Itemid=27
12. Bentham, Jeremy. Essay On Language; Now First Published, From the Manuscripts of Jeremy Bentham // The Works of Jeremy Bentham, vol. 8 [1843] Accessed from http://oll.libertyfund.org/?option=com_staticxt&staticfile=show.php%3Ftitle=2208&chapter=206878&layout=html&Itemid=27
13. Bentham, Jeremy. Fragments On Universal Grammar; Now First Published, From the Manuscripts of Jeremy Bentham // The Works of Jeremy Bentham, vol. 8 [1843] Accessed from http://oll.libertyfund.org/?option=com_staticxt&staticfile=show.php%3Ftitle=2208&chapter=206878&layout=html&Itemid=27
14. [Bentham J.] //The Works of Jeremy Bentham, published under the Superintendence of his Executor, John Bowring. — Edinburgh: William Tait, 1838-1843. — In 11 vols. Volume 8. — Accessed from <http://oll.libertyfund.org/title/2208/207094> on 2009-11-11—

15. Burton J. H. Introduction to the Study of the Works of Jeremy Bentham – Accessed from <http://ebooks.adelaide.edu.au/b/bentham/jeremy/burton/complete.html> Last updated Friday, August 2, 2013

16. Hart, Herbert L. A. Essays on Bentham: Jurisprudence and Political Theory. – Oxford: Clarendon Press, 1982. – 272 p.

17. Sanderson R. Logicæ artis compendium. Secunda hac editione recognitum, duplici appendice auctum, & publici iuris factum à Rob. Sanderson Collegij Lincolniensis in almâ Oxoniensi socio. – Oxoniæ: Excudebant Iohannes Lichfield & Iacobus Short, 1618 // Microfilm. – Ann Arbor, Mich.: UMI, 1968. – [8], 232, 124, [4] p.

*Тягло А. В.,
доктор философских наук, профессор
Харьковского национального университета внутренних дел,
г. Харьков*

Остается ли истина главной ценностью поля права?

Если обратиться к книге Чезаре Беккариа «О преступлениях и наказаниях» (1764), которая в странах Западной цивилизации признается одним из важнейших источников современного права, то статус истины как приоритетной ценности вряд ли вызовет какие-либо сомнения. И это не удивительно, ведь Беккариа – яркий представитель Просвещения, базировавшегося не только на безусловном утверждении познаваемости истины, но и на вере в результативное познание ее важных проявлений силой разума человека XVIII столетия. «В наше время познаны истинные отношения, связывающие как суверена и подданных, так и различные нации между собою; сношения оживились под влиянием философских истин, ставших благодаря книгопечатанию общим достоянием; между нациями ведется молчаливая война трудолюбия, самая гуманная и наиболее достойная разумных людей. Таковы плоды, принесенные нашим просвещенным веком», – утверждал Миланец в самом начале своего сочинения [1, с. 88]. Конечно, продвижению разума на пути к разнообразным истинам издавна препятствовали и еще препятствуют не критическое усвоение давних традиций или религиозный фанатизм, невежество, ситуативные всплески страстей отдельных личностей или интересы сословий... Однако эти и другие возможные препятствия не принципиальны, они будут последовательно преодолеваются просвещенными суверенами вкупе с их подданными везде, в том числе и в поле права.

Не входя сейчас в глубины философской критики абсолютизации разума и его достижений, которую развили уже современники Чезаре Беккариа – Дэвид Юм или Иммануил Кант, а в недавно минувшем XX столетии – Карл Поппер или Фридрих фон Хайек³, остановлюсь лишь на одном рассуждении, актуальном именно в поле права.

---

³ Хайек, в частности, утверждал: «...я не в силах удержаться от улыбки, когда книги по эволюции (даже написанные великими учеными) при признании, что до сих пор все